

К вопросу о толковании содержания принципов уголовного судопроизводства в контексте итогов Нюрнбергского процесса

А. А. Сергеева¹, К. В. Питулько²

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

10-я линия В.О., до 19, лит. А., 199178, г. Санкт-Петербург, Россия, E-mail: ¹anzh-sergeeva@yandex.ru, ²lokhi@yandex.ru

В статье обосновывается преемственность принципов отправления правосудия, заложенных в документах, регламентирующих процессуальную деятельность Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, и современных гуманистических основ уголовного судопроизводства. Особое внимание уделено формированию по итогам Нюрнбергского процесса стандартов искоренения нацистской идеологии и основанного на ней жестокого истребления гражданского населения. Обосновано, что конвергенция принципов осуществления правосудия, заимствованных из нескольких правовых систем, оказалась востребованной в ходе дальнейшей эволюции национального законодательства. Выделены стандарты криминализации международных преступлений. Проанализировано содержание гарантий состязательности и равноправия сторон с учетом обеспечения интерпретационной преемственности в понимании их содержания с учетом итогов Нюрнбергского процесса.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, Международный военный трибунал, преступления против человечности, принципы уголовного судопроизводства, противодействие идеологии нацизма.

On the Interpretation of the Substance of Criminal Procedure Principles in the Context of the Outcomes of the Nuremberg Trial

A. A. Sergeeva¹, K. V. Pitulko²

*Saint Petersburg Institute (Branch) of the «All-Russian State University of Justice»
19, block A, Desyataya Liniya Vasilievskogo Ostrova, 199178, St Petersburg, Russia. E-mail: ¹anzh-sergeeva@yandex.ru, ²lokhi@yandex.ru*

The article substantiates the continuity of the principles administration of justice enshrined in the documents regulating the procedural activities of the International Military Tribunal for the Trial and Punishment of the Major War Criminals of the European Axis and the modern humanistic foundations of criminal proceedings. Particular attention is paid to the development, following the results of the Nuremberg Trials, of standards for the eradication of Nazi ideology and the cruel extermination of the civilian population rooted in it. It is substantiated that the convergence of the principles of administration of justice, drawn from several legal systems proved to be highly relevant during the subsequent evolution of national legislation. Standards for the criminalization of international crimes are highlighted. The substance of the guarantees of the adversarial principle and equality of arms is analyzed, ensuring interpretative continuity in understanding their content in light of the outcomes of the Nuremberg Trials.

Key words: Nuremberg Trials, International Military Tribunal, crimes against humanity, principles of criminal proceedings, countering Nazi ideology.

Нюрнбергский процесс, ставший настоящим судом народов над фашизмом, вошел в историю не только как эпохальное разбирательство, итоги которого не подлежат пересмотру, навсегда сохраняя символическое общегуманитарное значение. Можно констатировать, что один из них – это формирование как материально-правовой, так и процессуальной базы, обеспечивающей отправление наднационального (международного) правосудия, что выступает залогом эволюции законодательства. В условиях конвергенции правовых систем появление общего правового фундамента и унифицированное толкование образующих его норм обеспечивают поступательное развитие представлений о соотношении юрисдикционных полномочий судов различных уровней.

Значимые юридические понятия, востребованные и в современный период, были заложены еще при подготовке Нюрнбергского трибунала. В целях правовой оценки идеологии фашизма и зверств, допущенных ее приверженцами во время Второй мировой войны, появилась необходимость разработки понятийно-категориального аппарата, ранее не использовавшегося самостоятельно [Питулько 2025: 82-89]. В частности, он был нужен для правовой характеристики таких явлений, как геноцид, преступления против человечности, ведение агрессивной войны. С 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. новые юридические дефиниции прошли практическую апробацию – в ходе Нюрнбергского процесса. Опубликованный в тот же период многотомный сборник материалов, зафиксировавших всю совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию, можно признать настоящей апологетикой, мотивирующей к созданию механизмов противодействия распространению идеологии нацизма, актуального вплоть до сегодняшнего дня. На скамье подсудимых оказались двадцать два бывших нацистских лидера (в отношении еще одного экс-руководителя нацистской Германии было вынесено решение об освобождении от ответственности, причиной чего стало развитие деменции, а еще одному обвинение было предъявлено заочно [Ширер 1998: 722]). Формула обвинения характеризовалась серьезной сложностью, обусловленной как длительностью существования нацистского режима, так и протяженностью территории, на которой совершались преступления против гражданского населения и велись военные действия. После окончания Второй мировой войны эта территория оставалась под юрисдикцией различных государств, которыми были выработаны национальные правовые нормы, на основании которых имело место уголовное преследование лиц, виновных в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. В призме судебного познания оказался широкий спектр преступлений нацизма: физическое уничтожение противников режима, внесудебные расправы и казни, ведение агрессивной войны, жестокое обращение с военнопленными и гражданскими лицами. Поскольку все это категорически одобрялось и вдохновлялось нацистской пропагандой, любое из названных действий считалось тождественным проявлению идеологии нацизма. После окончания Нюрнбергского процесса состоялась юридизация понятий геноцида (в Конвенции ООН 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказания за него), преступлений экстремистской направленности или, придерживаясь терминологии, принятой в европейских государствах, – «преступлений ненависти» (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.) [Коряковцев 2020: 108], а также сформировался принцип отказа от установления сроков давности (Конвенция ООН о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г.). Таким образом, был заложен прочный юридический фундамент, обеспечивающий уголовное преследование нацистских преступников независимо от времени их задержания. В то же время институализация противодействия преступлениям экстремистской направленности в Российской Федерации привела к значительному расширению понятия ненависти и вражды в отечественном законодательстве и нивелированию различных проявлений идеологии нацизма в структуре системы деяний, имеющих экстремистскую направленность, что нельзя признать позитивной тенденцией [Сергеева 2023: 62].

Кроме того, получили самостоятельную правовую регламентацию процессуальная деятельность и алгоритмы осуществления правосудия, в дальнейшем апробированные в работе многих международных судебных учреждений, функционирующих *ad hoc* (Токийский трибунал, трибунал по установлению обстоятельств геноцида в Руанде, международный трибунал по бывшей Югославии). Изначально судопроизводственные нормы, использовавшиеся при подготовке Нюрнбергского процесса и непосредственно во время слушаний, были включены в Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран Оси, а также обособлены в его Регламенте – отдельном процессуальном документе. Впоследствии «Нюрнбергские принципы» воспроизводились в резолюции Генеральной ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. Придав им фундаментальное значение как материальных и процессуальных элементов системы международного уголовного правосудия, универсальная правозащитная система создала ключ к толкованию принципов его осуществления. В этой связи необходимо отметить три презумпции: установление преступности и наказуемости деяния согласно нормам международного права, неотвратимость наказания, ответственность всех лиц, причастных к совершению преступлений. В резолюции прямо указывалось, что международно-правовые преступления включают в себя деяния, поименованные в уставах Нюрнбергского и Токийского трибуналов, и включающие преступления против человечности, преступления против мира и военные преступления. Неотвратимость наказания условно «компенсировалась» провозглашением права на справедливое судебное разбирательство на основе фактов и права. Беспристрастность Нюрнбергского трибунала сомнению никогда не подвергалась, что существенно отличает его от ординарного «суда победителей» и придает статусное значение его результатам.

Будучи первой в истории «широкоформатной» судебной инстанцией, объединившей юрисдикции многих государств, Нюрнбергский трибунал учреждался на договорной основе, вобрав в себя наиболее эффективные процессуальные алгоритмы, заимствованные из англосаксонской, континентальной (романо-германской) и социалистической моделей уголовного процесса. Постановленный приговор приобрел прецедентное значение

[Батырь 2020: 197]; толкование норм материального права, данное судом, не было избыточно расширительным. Процесс носил состязательный характер, хотя, казалось бы, специфика предмета разбирательства предполагала обвинительную направленность. Для подготовки обвинительного тезиса при трибунале функционировал Комитет по расследованию дел и обвинению главных военных преступников, активно взаимодействовавший с составом трибунала. В то же время каждый из подсудимых пользовался услугами адвоката, а их многочисленные ходатайства послужили материалом для пристального рассмотрения.

Кроме состязательности и равноправия сторон, на Нюрнбергском процессе были реализованы и иные судопроизводственные принципы, признаваемые современным российским законодательством: равенство всех перед законом и судом, обеспечение права на защиту, законность, гласность судебного разбирательства. С учетом специфики его предмета и личности нацистских преступников, среди которых были руководители фашистского режима, едва ли можно упомянуть в качестве принципа презумпцию невиновности, однако следует учитывать, что сам факт отказа от внесудебной репрессии и проведение открытого разбирательства с вынесением обвинительного приговора – лучшее свидетельство того, что она была реализована хотя бы в той части, которая ограничивает произвольное применение наказания. Ученые обоснованно отмечают корреляцию между названными принципами и общепризнанными фундаментальными правовыми положениями (гуманизм, отказ от избыточной репрессии, уважение прав человека) [Сафонов 2020: 3-9].

В силу ст. 20 Устава Международного военного трибунала ему предоставлялось право определять относимость доказательств. Для этого обеспечивалось взаимодействие со сторонами, которые предварительно раскрывали информацию о содержании документов и сведений. Такое стало возможным вследствие делегирования собирания доказательств Комитету по расследованию дел и обвинению главных военных преступников. Допустимость доказательств гарантировалась принципом наименьших формальностей, гарантирующим отсутствие промежуточных этапов проверки и оценки. Официальные документы, протоколы, приговоры военных трибуналов или иных судов имели преюдициальное значение. Из этого можно заключить, что собирание доказательств охватывало проверку их относимости, а допустимость представленных доказательств констатировалась в результате этой проверки. Появление своеобразной презумпции допустимости доказательств никоим образом не нарушало судебной процедуры, поскольку при вынесении решения трибунал имел возможность исследовать доказательственную базу в полном объеме.

В ст. 24 Устава Международного военного трибунала выделялись одиннадцать этапов судебного разбирательства, включающих оглашение обвинительного акта, вступительную речь обвинителя, рассмотрение ходатайств о представлении доказательств, допросы свидетелей обвинения, свидетелей защиты и подсудимых, в частности, перекрестный допрос, судебные прения, последнее слово подсудимых, постановление приговора и его провозглашение. Критериями законности и обоснованности приговора позиционировались мотивированность, а также неизменность и окончательность. В современный период такие характеристики имманентно присущи актам Конституционного Суда РФ, что выступает иллюстрацией преемственности представлений об исключительном статусе некоторых органов отправления правосудия.

Основополагающие начала уголовного судопроизводства, получившие отражение в Уставе Международного военного трибунала, сохранили актуальность до сегодняшнего дня. В практике наднациональных судов они используются в тождественном значении, из чего можно сделать вывод о преемственности стандартов осуществления правосудия. Приоритетным среди них является разграничение процессуальных функций, иная интерпретация которого, помимо общепринятой, невозможна. Наличие функции обвинения и функции защиты обуславливает разрешение дела только в пределах заданной формулы обвинения. «Предпроцессуальное взаимодействие» стороны обвинения с составом трибунала создает только номинальное преимущество, обусловленное отсутствием процедуры расследования: ни один международный суд или трибунал не располагает возможностями эксплуатации следственного аппарата. В частности, это связано с потребностью оперативного проведения публичного и гласного разбирательства, позволяющего в разумный срок установить обстоятельства совершения наиболее опасных преступлений, жертвами которых стали представители гражданского населения. При этом действует ординарный порядок исследования доказательств, хотя предварительная оценка их базовых свойств происходит за рамками судебных слушаний.

При этом Устав Международного военного трибунала не использует приемы толкования процессуальной терминологии, ограничивающие пределы соответствующей деятельности участников судебного разбирательства. Содержание принципа состязательности в нем заложено в эквивалентном историческому периоду правопонимании. Порядок исследования доказательств идентичен тем правилам, которые действуют в уголовном судопроизводстве (в частности, в действующем УПК РФ). Критерии законности и обоснованности приговора остаются востребованными в нормотворческой деятельности, а их толкование – неизменным, невзирая на динамическое развитие правовых систем. Их интерпретация в ином направлении могла бы привести к обесцениванию авторитета правосудия.

Литература

Батырь В. А. Нюрнбергский приговор: уроки истории для будущего / Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 12. – С. 197–216.

- Коряковцев В. В., Питулько К. В., Сергеева А. А. Преступления на почве ненависти, феномен hate speech, практика Европейского суда по правам человека и российский подход к определению экстремистской деятельности / Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 106–122.
- Питулько К. В. Хабаровский процесс и Токийский трибунал: установление обстоятельств совершения военных преступлений на Дальнем Востоке в период Второй мировой войны / Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 2. – С. 80–89.
- Сафонов М. А. Правовые основы Нюрнбергского процесса: нормы и источники права / Пролог: журнал о праве. – 2020. – № 4. – С. 3–9.
- Сергеева А. А., Горбатова М. А., Гурев М. С., Кириллова Я. М., Лотоцкий А. С., Пяткова О. В., Фейзуллаев Ф. М. Криминализация проявлений идеологии нацизма: российский, зарубежный и международный опыт / Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2023. – № 4. – С. 58–69
- Ширер У. Крах нацистской империи. Смоленск, 1998.

References

- Batyr, V. A. (2020). The Nuremberg verdict: history lessons for the future. Bulletin of the University. O.E. Kutafina (MSAL), 12, 197-216 (in Russian).
- Koryakovtsev, V. V., Pitulko, K. V., Sergeeva, A. A. (2020). Hate crimes, the hate speech phenomenon, practice of the European court of human rights and the Russian approach to determining extremist activity. Law Enforcement, 1, 106-122 (in Russian).
- Pitulko, K. V. (2025). The Khabarovsk trial and the Tokyo Tribunal: establishing the circumstances of war crimes in the Far East during World War II. Bulletin of the Russian Legal Academy, 2, 80-89 (in Russian).
- Safonov, M. A. (2020). Legal basis of the Nuremberg trial: rules and sources of law. Prologue: a magazine about law, 4, 3-9 (in Russian).
- Sergeeva, A. A., Gorbatova, M. A., Gurev, M. S. et al (2023). Criminalization of manifestations of Nazi ideology: Russian, foreign and international experience. International Law and International Organizations. International Law and International Organizations, 4, 58-69 (in Russian).
- Shirer, W. (1998). The Rise and Fall of the Third Reich. Smolensk (in Russian).

Citation:

- Сергеева А. А., Питулько К. В. К вопросу о толковании содержания принципов уголовного судопроизводства в контексте итогов Нюрнбергского процесса // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 29-32.
- Sergeeva A. A., Pitulko K. V. (2026) On the Interpretation of the Substance of Criminal Procedure Principles in the Context of the Outcomes of the Nuremberg Trial. Legal Linguistics, 41, 29-32.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
